

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84

Жизнь и деяния Сергея Ивановича Ожегова (К 120-летию со дня рождения)

Марина Анатольевна Бондаренко

*Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия,
e-mail: marbondina@mail.ru*

Статья посвящена выдающемуся русскому лексикографу Сергею Ивановичу Ожегову, создателю знаменитого однотомного нормативного «Словаря русского языка». В статье отражен жизненный путь ученого, дана характеристика его личности, представлена его работа в команде Д. Н. Ушакова по подготовке к изданию «Толкового словаря русского языка»; рассмотрены основные идеи учебного, заложенные в основу «Малого Толкового словаря»; охарактеризована его практическая деятельность по решению проблем кодификации норм русского литературного языка.

Ключевые слова: Сергей Иванович Ожегов; лексикография; литературный язык советской эпохи; нормативный толковый словарь; словарь языка писателя; культура речи; языковая норма

Ссылка для цитирования: Бондаренко М. А. Жизнь и деяния Сергея Ивановича Ожегова (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 75–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84.

The Life and Deeds of Sergey Ivanovich Ozhegov (To the 120th Anniversary of the Birth)

Marina A. Bondarenko

*Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia,
e-mail: marbondina@mail.ru*

The article is dedicated to the outstanding Russian lexicographer Sergey Ivanovich Ozhegov, the creator of the famous one-volume normative «Dictionary of the Russian Language». The article reflects the life of the scholar; describes his personality; presents his work with the team of D. N. Ushakov on the preparation of the «Explanatory Dictionary of the Russian Language»; considers the main ideas of the scholar, which formed the basis of the «Small Explanatory Dictionary»; characterizes his practical activity in solving the problems of norm codification of the Russian literary language.

Keywords: Sergey Ivanovich Ozhegov; lexicography; literary language of the Soviet era; normative explanatory dictionary; Dictionary of the writer's language; speech culture; language norm

A reference for citation: Bondarenko M. A. The life and deeds of Sergey Ivanovich Ozhegov (To the 120th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 75–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84.

Он был ровесником века. И век его составил до обидного мало – 64 года. Так соединились в жизни этого человека два значения одного слова, обозначенные в его главном и сделавшем его бессмертным труде – «Малом Толковом словаре», как он сам его на первых порах именовал: *век* – ‘столетие’ и *век* – ‘жизнь’. И составила эта жизнь

важнейшую эпоху в отечественной лексикографии – тоже век. А если взглянуть на эту словесную цепочку более пристально, то можно обнаружить, что привычное нам сегодня основное значение слова *век* как ‘столетие’ впервые в таком статусе получило прописку именно у Ожегова.

Двадцать лет назад, в год 100-летия со дня рождения С. И. Ожегова, в журнале «Вопросы языкознания» Л. И. Скворцов, ученик и последователь Сергея Ивановича, казалось бы, поставил своего рода точку в оценке века, отмеренного труду его учителя, сказав, что созданный им словарь постепенно уступил лидирующее место новым изданиям:

Таковы жестокие реалии наших дней. А ведь сравнительно недавно (лет 10 назад) Словарь Ожегова был настольной книгой «правильной русской речи» для всех слоев населения, для каждого образованного человека. Практически он имелся в каждом доме, в любой семье, к нему обращались инженеры и учителя, журналисты и писатели, актеры театров и кино, режиссеры, дикторы радио и телевидения, студенты, школьники и домохозяйки. Он был авторитетнейшим пособием для всех, кому дорог и кому настоятельно нужен русский язык [Скворцов 2000: 81].

И вот, по прошествии двух десятилетий, в год 120-летия со дня рождения С. И. Ожегова, позволю себе не согласиться с уважаемым ученым. Как и в 90-е гг. предыдущего века, для наших современников Ожегов все так же остается «человеком-словарем». Помимо Ожегова, только Даль так же узнаваем — и по портретам, и по деяниям. Один — создатель словаря живого языка, другой — создатель живого словаря. Я не веду здесь речь о филологах, специалистах в области русского языка, как не о них вел речь и Лев Иванович Скворцов, я говорю о студентах, школьниках и их родителях, людях разных профессий, да и об учителях. Ожегова знают, он (не скажу «у многих», но у достаточно большого числа) продолжает пребывать на полках домашних библиотек¹, в чем я ежегодно убеждаюсь, приходя в аудиторию с той самой «культурой речи», которая была выстрадана трудами Сергея Ивановича Ожегова.

Одной из причин такой жизнеспособности его словаря является востребованность широкой аудиторией неспециалистов именно «малого» варианта словаря современного языка, потребность в котором была уникально провидена лучшими российскими умами уже в конце 30-х гг. XX столетия. Идея же такого типа словаря,

причем словаря нормативного, была обожжена, а затем воплощена в жизнь именно трудами Ожегова, подготовившего, помимо первого (в 1949 г.), два переработанных (в 1952 и 1960 гг.) издания и готовившего следующую редакцию словаря, работа над которой была прервана внезапной кончиной ученого 15 декабря 1964 г. При жизни С. И. Ожегова словарь вышел из печати шестью изданиями, продолжив свою жизнь и после смерти автора, обогнав и по количеству изданий, и по тиражам все издания словарей русского языка вместе взятые.

Кто знает, возможно, мы сегодня и не имели бы этого удивительного краткого русского «Лярусса», ведь выбор Сергеем Ивановичем филологической стези можно назвать разве что провидением: и предки его по мужской линии, и младшие его братья были «технарями» (Сергей Иванович пожурил бы нас за такое разговорное выражение), а самому ему открывалась возможность сделать и военную карьеру. Но обо всем по порядку.

Корнями семья Ожеговых уходит на Урал. «Ожеговы — фамилия уральская. Она происходит от слова “ожег” (ударение на “о”)². Так в старину называлась палка, которую окунали в расплавленный металл, чтобы определить степень его готовности. Отец говорил, что мы исходим от одного из демидовских крепостных, которому чудом удалось спастись из затопленных подвалов Невьянского завода», — писал в воспоминаниях о Сергее Ивановиче его сын, Сергей Сергеевич (1925–2017), доктор архитектуры, известный отечественный архитектор и педагог [Ожегов 1999: 205].

Дед Сергея Ивановича — Иван Григорьевич — более полувека трудился в Уральской химической и золотосплавочной лаборатории в Екатеринбурге. Здесь золото, добываемое на уральских заводах и приисках, превращалось в слитки, после чего отправлялось в государственную казну. Все дети Ивана Григорьевича (а их было 14), как следует из воспоминаний правнука, получили высшее образование. Среди них — и Иван Иванович, отец Сергея Ивановича, окончивший Технологический институт³

² Интересен тот факт, что в выходных данных прижизненных изданий словаря фамилия автора сопровождалась ударением.

³ В воспоминаниях сына С. И. Ожегова ошибочно указывается Политехнический институт,

¹ Давно уже мы используем эту метонимию: «Ожегов» вместо «словарь Ожегова».

в Петербурге и получивший профессию инженера-технолога. После окончания института Иван Иванович Ожегов был приглашен инженером на Писчебумажную фабрику купцов Кувшиновых, в Тверскую губернию. Фабричный поселок располагался по соседству с приобретенным Кувшиновыми имением Каменным⁴, потому и получил такое же название. Именно там, в Каменном (ныне — город Кувшиново), 10 (23)⁵ сентября 1900 г. в семье молодого инженера и родился старший сын — Сергей Иванович Ожегов. Мать Сергея Ивановича, Александра Федоровна (урожденная Дегожская), была из династии псковского духовенства, родные ее жили в Опочке. Не исключено, что именно эта родовая ветвь определила лингвистические привязанности Сергея Ивановича, поскольку среди предков его матери был известный русский филолог протоиерей Герасим Петрович Павский, совершивший своего рода прорыв в русской грамматике четырехтомным изданием, над которым он работал около 15 лет. Это «Филологические наблюдения над составом русского языка», за которые автор был удостоен Демидовской премии. Вот небольшое суждение об авторе и его сочинении (критический разбор был сделан Н. И. Надеждиным и опубликован в «Отечественных записках»), которое отражает фамильные черты, унаследованные С. И. Ожеговым от своего знаменитого предка: «Это плод ученого трудолюбия, изумительного сколько огромностью сил и способов, столько же, если не больше, беспримерным, героическим самоотвержением» [Надеждин 1844: 34]. Не случайно, видимо, Александра Федоровна старалась поддерживать в своем сыне его увлечение словесностью.

однако первый набор в этот институт был осуществлен только в 1902 г. Кроме того, инженерная специальность, которой овладел Иван Иванович, соответствовала профилю именно Технологического института.

⁴ К интересным фактам, связанным с этим имением, относится то, что в течение десяти лет оно, а также и мануфактура принадлежали семейству Дубельтов. М. Л. Дубельт, проигравший это имение в карты князю П. Н. Трубецкому, был первым мужем младшей дочери А. С. Пушкина — Натальи Александровны.

⁵ По другим данным — 9 (22) сентября.

В 1909 г. И. И. Ожегов был приглашен в Петербург, на службу в Экспедицию заготовления государственных бумаг, и семья разместилась в прекрасной четырехкомнатной квартире в доме по Фонтанке 144, где теперь вплоть до отъезда в 1936 г. в Москву будет жить Сергей Иванович.

А на противоположном берегу Фонтанки начинался район, именуемый Колодной, где, как известно, в течение почти четырех лет после выхода из Лицея жил А. С. Пушкин. Дом адмирала Клокачева, в котором родители поэта снимали квартиру, находился несколько левее относительно зданий Экспедиции и того Английского мостика, по которому почти ежедневно бегал в 5-ю гимназию⁶ Сережа Ожегов. Путь его пролегал в Коломенской части сначала по Английскому проспекту, затем через Покровскую площадь⁷ с величественным храмом Покрова Пресвятой Богородицы⁸, где ему приходилось пробираться через шумные торговые ряды. И набережная Фонтанки, и Покровская площадь вечно были забиты торговым людом и битюгами с телегами. Может быть, именно здесь, где изо дня в день звучала совсем иная, не знакомая мальчику из интеллигентной семьи речь, и начал зарождаться его интерес к русскому слову.

Во всяком случае по окончании гимназии выбор Сергея Ивановича пал на историко-филологический факультет Петроградского университета, куда он и поступил в 1918 г., но, в связи с революционными событиями, учиться не стал, а «уехал к родным по матери в город Опочку и, будучи членом партии эсеров, устанавливал там советскую власть» [Ожегов 1999: 208]. Уже в начале декабря 1918 г. Сергей Иванович начинает службу в Красной армии, участвует в боях с белофиннами в Карелии, затем — против Врангеля на территории Южной Украины, после разгрома белой армии — в ликвидации банд. Во время службы Ожегов командовал полковой разведкой, был начальником штаба полка,

⁶ Гимназия находилась на пересечении Английского проспекта с Екатерингофским проспектом (ныне — проспект Римского-Корсакова).

⁷ Ныне — площадь Тургенева.

⁸ Храм, автором которого был известный русский архитектор В. П. Стасов, был разрушен в 1934 г.

затем — начальником штаба тыла, поэтому после окончания Гражданской войны ему предложили учиться в военной академии, но Сергей Иванович в 1922 г. демобилизовался и вернулся в Петроград, где продолжил учебу в университете.

Скорее всего, путь, которым он будет ежедневно следовать к бывшему дворучу Петра II, снова будет пролегать по знакомым с гимназических времен местам, поскольку и сегодня от Фонтанки к набережной Большой Невы удобнее добираться пешком, тем более что маршрут можно менять, и тогда не по Английскому проспекту, а по Крюкову каналу, мимо Николы Морского, вдоль Мариинки, Новой Голландии... Выносливому, хорошо физически развитому, спортивному, увлекавшемуся футболом еще с гимназических лет Сергею Ивановичу это было только в удовольствие.

В 1926 г. Ожегов окончил факультет языкознания и материальной культуры (так в ту пору назывался филологический факультет), причем во время обучения получил и опыт преподавания русского языка, и, будучи человеком увлеченным и целеустремленным, сумел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны в среде ленинградских лингвистов, получив «благословение» на обучение в аспирантуре от Л. В. Щербы и В. В. Виноградова. Под руководством последнего он делал свои первые шаги в науке, испытывая влияние его идей в течение всей своей жизни.

К этому периоду база наблюдений Ожегова над живым языком значительно расширилась. Теперь к уже имевшимся данным о языке, который бытовал в семье, соединившей две традиции — духовенства и технической интеллигенции, к наблюдениям над языком гимназистов и торгового люда с Покровской площади присоединились и достаточно обстоятельные наблюдения над языком русской провинции, языком военных, студентов, ученых и большого числа представителей молодой ленинградской интеллигенции, наполнявшей квартиру Ожеговых на Фонтанке. Это были и друзья братьев Сергея Ивановича (один учился в Институте гражданских инженеров, другой — в Институте инженеров путей сообщения) — шумная веселая молодежь, и военные, бывшие сослуживцы Сергея Ивановича, и подруги его жены, выпускницы Педагогического института,

да и ее отец — священник, с которым Сергей Иванович очень сдружился. Серьезные наблюдения над разнообразием живой русской речи, изучение живых социальных связей в совокупности с обстоятельным исследованием истории русского и других славянских языков и определили главное направление научной деятельности С. И. Ожегова.

Сергей Иванович начал серьезно заниматься словарной работой уже в конце 1920-х гг.: им был полностью составлен и отредактирован 5-й том «Словаря русского языка» АН СССР (это издание не было завершено). Оценивая способности Ожегова к словарной работе, Л. И. Скворцов позднее даст им такую оценку:

Он был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Тонко чувствуя структуру и семантическую материю слова, С. И.⁹ знал необычайное множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий... Многое хранили кладовые его памяти из истории науки и техники, народных промыслов, спорта, военного и театрального быта, из городского и сельского фольклора, из самых разных художественных текстов. Он все читал и всем интересовался до последних дней жизни [Скворцов 2000: 82].

Именно такой ученый и нужен был Д. Н. Ушакову, собравшему уникальную команду одаренных лингвистов для реализации грандиозного плана — создания первого толкового словаря русского литературного языка советской эпохи, известного сегодня под названием «ушаковского». Работа Ожегова в коллективе, руководимом Д. Н. Ушаковым, потребовала переезда ученого в Москву, где его семье были по личному распоряжению наркома В. М. Молотова выделены две комнаты в коммунальной квартире на Смоленском бульваре.

Работа над словарем была поистине титанической. И вклад в этот коллективный труд (над его составлением работали 6 ученых) С. И. Ожегова можно с полной уверенностью назвать весьма значительным: им создано «из общего объема словаря в 435 печатных листов... более 150 листов» [Там же: 86], т. е. более 30 % общего состава

⁹ Так в статье.

словаря, и это помимо редактирования II, III и IV томов совместно с Д. Н. Ушаковым и Г. О. Винокуром.

Позднее, в 1952 г., в статье «О трех типах толковых словарей современного русского языка» С. И. Ожегов немного открывает «кухню» той титанической лексикографической работы, которую вели составители словаря, чтобы отобрать действительно «актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии» [Ожегов 1952: 94]. Для того чтобы понять, сколь велик труд создания словаря нормативного типа, достаточно увидеть, какое количество текстов было прочитано (в отсутствие современных возможностей компьютерного поиска!), причем из этих читаемых не для получения эстетического наслаждения текстов «выуживались» все те слова, которые в них употреблены были не как слова окказионального типа, а как реально существовавшие в языке (например, *порывистый* и *порывчатый*; *отрывчатый* и *отрывистый*). И читались в огромном количестве тексты как художественные (не только классика, но и современная литература), так и научные, научно-популярные, современная публицистика, газеты, уставы, всевозможные перечни, доклады, речи, переписка и пр. Сегодня интерес могут представлять даже ссылки на эти тексты. А в «ушаковском» словаре большинство статей сопровождалось цитатами нередко даже из нескольких текстов. Кстати, именно по причине «нежелательных» цитирований (например, произведений Д. С. Мережковского, А. А. Ахматовой, И. Э. Бабеля и др.) был переработан первый вариант первого тома словаря, вышедший небольшим пробным тиражом в 1934 г. [Никитин 2016б: 55].

Помимо того что Ожегов непосредственно участвовал в лексикографической работе, он был еще и самым активным членом этого коллектива, непосредственно включившимся в полемику по защите словаря от нападков огромного числа недоброжелателей, которые всячески старались повлиять на то, чтобы запретить издание словаря. После публикации первого тома в 1935 г. такая дискуссия проходила в Ленинграде, в Институте языка и мышления. В архиве Ожегова собраны письма участников дискуссии о словаре, а также сохранились рабочие записи о непростой издательской

судьбе словаря [см.: Никитин 2016а: 38]. В статьях, в том числе в «разгромной» статье В. Б. Аптекаря, Ушакова «обвиняли в критическом восприятии советской действительности, в поповском и мещанском идеологическом базисе, в буржуазном тоне содержания, в халтурности трактовки технических и научных терминов» [Нефёдов, Нефёдова 2013: 9]. Создатели словаря учитывали все конструктивные замечания своих коллег, вносили исправления, дорабатывали каждый том, а также отстаивали свои идеи, и, несмотря на упорное сопротивление недоброжелателей, вслед за первым после паузы вышли все тома словаря (1938; 1939; 1940), став огромным событием и в русской лексикографии, и в культурной жизни страны.

Принцип, который был положен в основу словаря Ушакова, сформулирован в предисловии к изданию:

Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства¹⁰.

И именно эта идея, реализованная талантливыми русскими учеными, стала основной идеей, которую развил и воплотил в жизнь С. И. Ожегов в «малом» словаре, работа над которым не могла идти сколько бы то ни было интенсивно до того времени, пока не закончилась эпопея с четырехтомником, хотя мысль о создании краткого, сокращенного варианта нормативного словаря как необходимого в современных условиях издания была уже высказана Д. Н. Ушаковым и всецело завладела Ожеговым.

А потом началась война. Команда, которая должна была работать над словарем, практически в полном своем составе была эвакуирована. Ожегов не захотел оставлять Москву, более того, записался в народное ополчение, но на передовую

¹⁰ От редакции // Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I. — М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935. — Стб. IX—X.

его не пустили: известный ученый подлежал «бронированию». Ожегов исполнял обязанности директора Института языка и письменности народов СССР¹¹, ежедневно, по сложившейся традиции, в институт «ходил пешком, пустынными пречистенскими переулками» [Ожегов 1999: 213]. Дежурил в ночных патрулях, преподавал в педагогическом институте, организовал научное общество, изучал язык военного времени и — упорно и много, не прекращая, несмотря ни на что, работал над новым словарем. Возможно, он воспринимал эту работу в том числе как обязательство исполнить волю ушедшего из жизни в начале апреля 1942 г. Д. Н. Ушакова.

Это была не единственная его потеря: в блокадную зиму 1941–1942 гг. не стало всей большой ленинградской семьи Ожеговых: получил смертельное ранение (в квартиру попала бомба) шестилетний племянник, умерли от голода мать, брат Борис и его жена. Еще перед войной скончались отец и младший брат. Осталась только маленькая племянница Наташа, которую Ожегов разыскал, привез в Москву и удочерил (к этому времени из эвакуации вернулись его жена и сын). Весь ожеговский архив, в котором, наверное, могли находиться и весьма любопытные свидетельства того, как Сережа Ожегов готовился к своему главному труду¹², сгорел. Собственно, не стало и самой квартиры. Вспоминая свой приезд в Ленинград вместе с отцом летом 1947 г., Сергей Сергеевич писал: «Мы приехали прощаться с тем, что было. Каждый по-своему, но прощаться... Ездили на Фонтанку 144. Увидели двор, где нам обоим была знакома с детства каждая тротуарная плитка, каждая крышка люка. Остались неизменными и подъезд, лестница, дверь в квартиру. А внутри все не то: белые стены, тишина и чистота. Детский сад... Только много позднее я понял, что такое было для

отца увидеть эту пустоту на том месте, где прошла почти вся его сознательная жизнь. Исчезло все, и люди, и вещи, все, что долгие годы составляло самую суть жизни» [Там же: 214].

После войны, когда работа над «Малым Толковым словарем» могла бы закипеть с новой силой, верен этому делу остался фактически один Ожегов. Разумеется, у него была достаточно хорошая база — словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Но у нового словаря были и новые задачи, сформулированные еще в плане издания, составленном в июне 1940 г.:

Малый Толковый Словарь предназначен для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи [Никитин 2000: 59].

В заметке о «Принципах построения Малого Толкового словаря», сохранившейся в архиве ученого, отражен и подход к представлению материала: «построение и оформление <...> должно быть предельно четким (возможно меньше условных сокращений, типизация отсылок и т. п.)» [Там же].

Итак, в задачу Ожегова входило отобрать материал — отсечь все «лишнее» (причем это «отсечение» должно было базироваться на реальном наблюдении над языковыми процессами современности); добавить вновь явившееся и вошедшее в активное употребление, выработать структуру статьи (по возможности следуя формуле «минимум знаков — максимум информации»), снабдить статьи, где это необходимо, иллюстративным материалом, который нужно создать, поскольку литературные примеры, которые в значительной мере иллюстративно насыщали четырехтомник, малый словарь позволить себе не мог (словосочетания и короткие предложения для каждой статьи составлены Ожеговым), толкование слов сделать понятным для широкой аудитории, как и стилистические пометы, которыми слова сопровождаются, максимально отразить все возможные языковые трудности, т. е. усилить нормативный компонент.

Как следует из этого неполного перечня «обязанностей» составителя, труд был колоссальным. А чтобы стало более наглядным то, что «сотворил» Ожегов, стоит не только выявить, какие слова отсеяны,

¹¹ С 1944 г. — Институт русского языка АН.

¹² В музее Кувшинова экскурсоводы рассказывают посетителям, что «где-то в архиве ученого хранится первый, еще детский толковый словарь, размером с небольшую записную книжку и состоящий из нескольких серых и рыхлых, криво обрезанных листов самодельной бумаги, изготовленных Сережей Ожеговым под руководством отца» (Бару М. Непечатные пряники. — М., 2020. — С. 17).

какие появились, но и сравнить статьи к словам, имеющимся в обоих словарях. Вот, например¹³, как представлены слова

катавасия (в таблице опущена грамматическая характеристика, которая одинакова) и *каска*:

Таблица 1

КАТАВАСИЯ	Словарь Ушакова	Словарь Ожегова
Этимология	[греч. katabasion — нисхождение, суматоха]	Отсутствует
Толкование слова	1. Монастырское пение, исполняемое обоями клиросами, сидящими на середине церкви (церк.). 2. Беспорядок, суматоха, возня	Беспорядок, суматоха
Стилистические пометы	Ко 2-му значению: (простореч.)	(разг., шутл.)
Иллюстрация	<i>Пойдет все вверх дном, такая к..., что своих не найдёшь.</i> В. Слгб.	Отсутствует
Количество знаков в статье	260	53

Таблица 2

КАСКА	Словарь Ушакова	Словарь Ожегова
Грамматические сведения	-и, ж.	-и, род. мн. -сок, ж.
Этимология	[фр. casque]	Отсутствует
Толкование слова	Металлический кожаный или сделанный из др. материала головной убор в виде шлема, преимущ. у пожарных команд и воинских частей в разных армиях	Головной убор (металлический, пробковый и т. п.) в виде шлема
Иллюстрация	Отсутствует	<i>Пожарная каска</i>
Количество знаков в статье	170	106

Чисто арифметический итог таков: статья «Катавасия» во втором словаре меньше в 5 раз, статья «Каска» — более чем в полтора. В содержательном плане: у Ожегова усилен нормативный компонент (грамматическая норма); исключено неактуальное значение; расширено значение слова *каска* при максимальном сжатии его определения. У Ожегова отсутствуют сведения о происхождении заимствованных слов (первоначальный план предусматривал данный аспект), которыми автор пожертвовал явно из-за требований к объему словаря.

Книга выйдет из печати в первом издании в 1949 г. Однако рукопись словаря поступила в издательство АН СССР в начале 1946 г. Рецензия, подготовленная издательством, была выдержана «...весьма в критических, но не обличительных тонах, с пожеланием пересмотреть и доработать словарь. “Рукопись в представленном виде посылать в набор нецелесообразно...” — такое решение принял редакторский отдел

издательства. Эта была первая рецензия на “Словарь”, первый удар, но от своих...” [Никитин 2000: 60]. И более трех лет Ожегов будет доводить свой словарь до того варианта, который наконец-то получит одобрение. Но компания против словаря продолжилась и после выхода его из печати в 1949 г. Собственно, она продолжится и в дальнейшем.

Что же вызывало негативную оценку рецензентов? Прежде всего то, что словарь отражал тот уклад жизни, те традиции, в том числе религиозные, ту духовность, которые были укоренены в русском человеке, несмотря на революционные преобразования и старания политических конъюнктурщиков вытравить их из сознания нации. Пожалуй, лучшей иллюстрацией этого сюжета могло бы стать «Собачье сердце» М. А. Булгакова.

Закалка, которую Ожегов получил в сражениях с «врагами» словаря Ушакова, пригодилась ему, когда потребовалось в открытую выступить в защиту уже своего труда. В газете «Культура и жизнь» 11 июня 1950 г. была опубликована клеветническая, претенциозная статья Н. Родионова «Об одном

¹³ Выборка случайная.

неудачном словаре»¹⁴, явившаяся наиболее агрессивным выпадом против набиравшего популярность словаря Ожегова. По примеру Д. Н. Ушакова Сергей Иванович написал редактору газеты «Культура и жизнь» (копия была отослана в газету «Правда») письмо — детальное опровержение этой публикации, которое и сегодня читать интересно не только как факт истории словаря, но и как образец научной полемики.

А словарь, несмотря ни на что, набирал популярность в первую очередь среди тех, кому он, собственно, и был адресован — среди массового читателя. Положительные оценки со стороны научной общественности, от зарубежных коллег, из национальных республик, для которых словарь явился и настольной книгой, и образцом для составления словарей национальных языков, от журналистов, в том числе радио и телевидения, поступали и в издательство, и автору. Что, разумеется, поддерживало Сергея Ивановича в этой непростой ситуации, а также вселяло уверенность в том, что труд его нужен, а следовательно, будет продолжена и работа над ним, поскольку главной идеей Ожегова было то, чтобы словарь отражал в каждом своем издании происходящие в языке изменения. А для этого ему приходилось не только дорабатывать свой словарь, вносить в него необходимые исправления, но и с мужеством отстаивать свои идеи и перед лицом научной общественности, и на радио, и в непрерывающейся педагогической деятельности.

Кроме работы над однотомным словарем, Ожегов трудился над созданием словаря, имеющего достаточно печальную судьбу, — над «Словарем к пьесам А. Н. Островского». Этот словарь создавался в содружестве с А. Н. Ашукиным и В. А. Филипповым. Работа над ним началась еще до войны, а закончен словарь был в 1949 г. Но, подготовленный к изданию, он не был опубликован, и только стараниями сына Сергея Ивановича, у которого сохранился оттиск словаря, в 1993 г. вышло из

печати его репринтное издание¹⁵. Словарь создавался как ответ на реальные запросы театральных деятелей, поскольку пьесы А. Н. Островского содержали в себе достаточно большое число таких деталей, исторических и бытовых реалий, слов и выражений, отличающих устную речь ушедшей эпохи, которые было необходимо прокомментировать, чтобы избежать недоразумений при постановке пьес. И поэтому всталась задача создать совершенно новый тип словаря, соединяющего в себе черты, характерные для энциклопедических и филологических справочников. С. И. Ожегов в этом словаре, конечно, принадлежала филологическая часть.

Типологически новый для своего времени, словарь Островского основан на полном корпусе пьес драматурга (в списке значится 48 наименований). Отобранным словам и выражениям дается многосторонняя характеристика: акцентологическая (как рекомендация театральным артистам), грамматическая (например, указывается специфическое управление), эмоционально-экспрессивная (используются пометы: неодобр., презрит., фам. и т. п.)... [Шестакова 2011: 188].

Вероятно, что при подготовке этого словаря С. И. Ожегов должен был испытывать особое удовольствие, поскольку то, что всегда более всего его интересовало — живая речь, находило здесь свое отражение.

Именно интерес к живой речи, постоянное внимание к происходящим в языке процессам и вопросы нормализации языка были предметом серьезной работы Ожегова в 50–60-е гг. XX в. Но заниматься ими он начал еще в 30-е гг.¹⁶, о чем свидетельствует статья «О просторечии (К вопросу о языке города)». Вопросы, которые в данной статье рассмотрены Ожеговым, представляют интерес и сегодня, в том числе потому, что явления и факты, наблюдаемые ученым почти сто лет назад, продолжают оставаться актуальными.

Уже в этой статье проявляется главная симпатия Ожегова — к изучению реального

¹⁴ Полностью данную статью, как и ответ на нее С. И. Ожегова, можно прочитать в приложении к статье О. В. Никитина «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) // Мир русского слова. — 2017. — № 1. — С. 18–32.

¹⁵ Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков. Репринтное издание. — М., 1993. — VII, 246 с.

¹⁶ Так считает О. В. Никитин, подготовивший рукопись (36 тетрадных листов, исписанных зелеными чернилами), хранящуюся в архиве РАН, к публикации (опубликована в 2000 г.).

существования языка в речи людей с разным уровнем образования, профессиональными и социальными предпочтениями, бытовыми привычками и пр. Ожегов подробно рассматривает признаки просторечия на уровне орфоэпии, словоупотребления и грамматики. Приведенные им примеры — факты и сегодняшнего дня: «*тыща*», «*надсмешка*», «*константация*», «*транвай*», «*средства*», «*ходатайствовать*», «*квартал*», «*пárтер*», «*в размере двести восьми рублей*», «*вопреки отца*» и пр. [Ожегов 2000].

В 1952 г. при Институте языкознания АН СССР С. И. Ожеговым был создан сектор культуры русской речи для решения вопросов, связанных с кодификацией норм литературного языка. Причем помимо чисто научных задач сотрудникам сектора предстояло вырабатывать практические рекомендации по употреблению тех или иных языковых единиц и нести эти рекомендации в массы, для чего по его же инициативе в 1958 г. при Институте русского языка была организована справочная служба.

Основные идеи по работе сектора С. И. Ожегов изложил в своем докладе на расширенном заседании Ученого совета Института в 1955 г., и многое из сказанного им звучит актуально и сегодня (см.: [Ожегов 1990])¹⁷.

Стараниями С. И. Ожегова с 1950 г. начало выходить периодическое издание научно-популярного характера «Вопросы культуры речи». В нем публиковали свои работы молодые ученые, которых всегда был рад поддержать Сергей Иванович. Он же готовил и еще одно периодическое издание — журнал «Русская речь», которое начало выходить уже после смерти ученого, с 1967 г. И все эти труды — параллельно с постоянной работой над главным словарем, над составлением «Словаря языка Пушкина», в составе редколлегии «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (с 6-го по 17-й том), по составлению словаря литературного произношения. А еще было участие в передачах по вопросам культуры речи на радио и телевидении, консультации для

дикторов и театральных работников, популярные лекции в Доме ученых, организация встреч с писателями и многое другое.

Все, кто знал Ожегова, подчеркивали, что он сумел пронести через свою непростую жизнь удивительное жизнелюбие и радушие, какую-то юношескую озорность, открытость, остроумие, был очень обаятельным человеком, привлекавшим к себе и своей твердостью в принципиальных вопросах, и умением по-философски спокойно относиться к незаслуженному замалчиванию его заслуг, и сохранять унаследованную от предков глубокую интеллигентность и душевное благородство.

ЛИТЕРАТУРА

Надеждин Н. И. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Статья первая // Отечественные записки. Отд. V. Критика. — 1844. — Т. 34. — С. 33–48.

Нефёдов И. В., Нефёдова Т. П. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи // Мир русского слова. — 2013. — № 1. — С. 8–13.

Никитин О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. — 2016. — № 3. — С. 27–40 [Никитин 2016а].

Никитин О. В. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: из истории создания и обсуждения // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2000. — Т. 59. — № 5. — С. 58–65.

Никитин О. В. «Ушаковская эпопея». Известные страницы знаменитого словаря // Русская речь. — 2016. — № 3. — С. 51–62 [Никитин 2016б].

Ожегов С. И. Вопросы нормализации современного русского литературного языка // Русская речь. — 1990. — № 4. — С. 90–94.

Ожегов С. И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 93–110.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. — 1952. — Вып. 2. — С. 85–103.

Ожегов С. С. Отец // Дружба народов. — 1999. — № 1. — С. 205–219.

Скворцов Л. И. Сергей Иванович Ожегов — человек и словарь (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 81–92.

¹⁷ Тезисы этого доклада были подготовлены к публикации в журнале «Русская речь» Л. К. Граудиной.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. — М., 2011.

REFERENCES

Nadezhdin N. I. Philological observations of Archpriest G. Pavsky over the composition of the Russian language. Article One. In *Otechestvennye zapiski. Otd. V. Kritika* [Notes of the Fatherland. Dep. V. Criticism]. 1844, vol. 34, pp. 33–48. (In Rus.)

Nefyodov I. V., Nefyodova T. P. Reflection of the systemic vocabulary of the Russian language in the first explanatory dictionary of the Soviet era. In *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2013, No. 1, pp. 8–13. (In Rus.)

Nikitin O. V. The Fatherland lexicography in the 1930s: the struggle of ideas and ideologies (From the history of the creation and discussion of the «Explanatory Dictionary of the Russian Language» edited by D. N. Ushakov). In *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. 2016, No. 3, pp. 27–40. (In Rus.)

Nikitin O. V. The «Dictionary of the Russian language» S. I. Ozhegov's: from the history of creation and discussion. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury*

i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. A part of literature and language]. 2000, vol. 59, No. 5, pp. 58–65. (In Rus.)

Nikitin O. V. «Ushakov's saga». Unknown pages of the famous dictionary. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 2016, No. 3, pp. 51–62. (In Rus.)

Ozhegov S. I. Issues of the normalization of modern Russian literary language. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1990, No. 4, pp. 90–94. (In Rus.)

Ozhegov S. I. About common language (To the question of the city's language). In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 93–110. (In Rus.)

Ozhegov S. I. About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1952, No. 2, pp. 85–103. (In Rus.)

Ozhegov S. S. The Father. In *Druzhiba narodov* [Peoples's Friendship]. 1999, No. 1, pp. 205–219. (In Rus.)

Skvortsov L. I. Sergey Ivanovich Ozhegov — the man and the dictionary (on the 100th anniversary of his birth). In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 81–92. (In Rus.)

Shestakova L. L. Russian author's lexicography: theory, history, modernity. Moscow, 2011. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Анатольевна Бондаренко, кандидат педагогических наук, профессор, кафедра филологии, социально-гуманитарный факультет, Академия труда и социальных отношений; ул. Лобачевского, д. 90, г. Москва, 119454, Россия

Marina A. Bondarenko, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Chair of Philology, Department of Social Sciences and Humanities, Academy of Labour and Social Relations; 90 Lobachevsky str., Moscow, 119454, Russia